

Новгородская летопись и ея московския переделки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н72

Н72 Новгородская летопись и ея московския переделки / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 100 с.

ISBN 978-5-521-39745-7

ISBN 978-5-521-39745-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

остальныхъ рукописяхъ, заподозривались какъ позднѣйшія вставки, произвольныя искаженія и т. под.

Такое одностороннее предпочтеніе, оказываемое Лаврентьевскому списку, очевидно лишено всякаго дѣйствительнаго основанія. Для того, чтобы оправдать его, слѣдуетъ остановиться на явно произвольномъ предположеніи, будто Лаврентій отличился предъ всѣми переписчиками Русскихъ лѣтописей самою щепетильною точностію и ни на одну іоту не отступилъ отъ своего подлинника. Но писцы нашихъ временниковъ свойствомъ этимъ вообще не обладали, въ чемъ изслѣдователи давно уже могли убѣдиться посредствомъ сличенія списковъ; самъ же Лаврентій былъ, какъ извѣстно, далеко не столь высокаго мнѣнія о достоинствѣ своего труда, какъ его многочисленные почитатели въ сонмѣ Русскихъ историковъ; ² при томъ мы не знаемъ и того, съ подлинной ли «Повѣсти», или съ копіи списывалъ Лаврентій. Рукопись сего послѣдняго, хотя и принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ «Повѣсти», все таки на цѣлыхъ два съ половиною вѣка моложе ея первоначальнаго составленія въ началѣ XII столѣтія. Мало ли черезъ сколько рукъ, за весь этотъ длинный промежутокъ времени, могла перейти она, прежде чѣмъ дошла до Лаврентія. Какое ручательство имѣемъ мы въ сходствѣ этого, хотя бы и древнѣйшаго, списка съ первобытнымъ текстомъ, списаніе коего приписывается Сильвестру?

Этотъ первобытный текстъ, безъ сомнѣнія, существовалъ: взаимная близость различныхъ изводовъ (редакцій) «Повѣсти» по сохранившимся спискамъ служить тому доказательствомъ. Но, при всей близости, извѣстные намъ изводы «Повѣсти временныхъ лѣтъ» представляютъ нѣкоторые существенныя различія не только въ словахъ и оборотахъ рѣчи, но также въ выборѣ и самомъ содержаніи извѣстій. Не только иныя сказанія, какъ то: о крещеніи

Святителю написаніе самой «Повѣсти», — пріемъ довольно обычный въ древней нашей письменности, чему можно указать въ примѣрѣ на иныя Житія Святыхъ Русской Церкви, неизвѣстные компиляторы коихъ жили въ XVI и XVII в., а писанія свои ставили какъ бы подъ покровъ древнихъ, прославленныхъ въ Церкви, подвижниковъ, приписывая имъ составленіе тѣхъ Житій (Слич. Ключевского, «Древнерусскія Житія Святыхъ», стр. 306, по поводу составленнаго въ XVI в. и ложно приписываемаго Андрею, ученику и преемнику Св. Антонія Римлянина, Житія сего послѣдняго).

Новгорода, объ изданіи «Правды» и «Устава» Княземъ Ярославомъ и др.; вошли въ списки позднѣйшихъ изводовъ, на пр., Софійскаго Временника, и не находятся въ другихъ болѣе древнѣйшихъ текстахъ «Повѣсти;» иное сказаніе, на пр., о призваніи Князей, передано по Лаврентьевскому списку иначе, чѣмъ по Ипатскому. «Повѣсть» дошла до насъ не въ отдѣльныхъ рукописяхъ, а въ лѣтописныхъ сборникахъ: она составляетъ начало сборника, и продолженіемъ ея служатъ лѣтописныя повѣствованія за годы, слѣдующіе послѣ 1110-го; повѣствованія эти расходятся между собою несравненно болѣе, чѣмъ различные изводы начальной лѣтописи. Читая послѣднюю, по какому бы то ни было списку, мы легко убѣждаемся, что главное ея основаніе—Южно-Русскія событія. Очевидно, эта начальная лѣтопись или «Повѣсть временныхъ лѣтъ», какъ слыветъ она въ большей части рукописей,—происхожденія Южно-Русскаго, и она есть прежде всего мѣстная лѣтопись Кіевской Руси. Если же, при относительной скудости сообщаемыхъ ею извѣстій объ остальныхъ Русскихъ областяхъ, «Повѣсть» все таки тѣмъ обнята всю Русскую землю, то такое обще-Русское значеніе ея зависитъ отъ того, что въ пору, когда она возникла, и въ мѣстности, гдѣ она возникла, намѣченные дѣятельностію первыхъ Князей границы Русской земли обуславливали извѣстныя представленія объ ея единствѣ, и что установившіяся въ недавнемъ прошломъ связи между областями, даже при несомнѣнномъ преобладаніи въ обществѣ средобѣжныхъ стремленій, еще не вполне были порваны. Когда стремленія эти окончательно возобладали на Руси, двойственный характеръ «Повѣсти» сдѣлалъ ее очень пригоднымъ источникомъ или матеріаломъ для мѣстныхъ, областныхъ, временниковъ, каковыми, начиная съ 1111 года, чѣмъ дальше, тѣмъ исключительнѣе становятся Русскія лѣтописи. Всего органичнѣе «Повѣсть» связывалась, конечно, съ временниками Южной, Кіевской и Галицкой, Руси; но ею же воспользовались лѣтописи и другихъ Русскихъ областей, въ особенности новыхъ, какъ бы поселеній, на пр., Руси Сѣверо-Восточной, страны безъ самостоятельнаго политическаго прошлаго. Составители лѣтописей этого края включали «Повѣсть» въ свои сборники, изрѣдка съ добавленіями изъ имѣвшихся подъ рукою мѣстныхъ преданій и свѣдѣній, чаще же съ болѣе, или менѣе, значительными урѣзками противъ Кіевского подлинника: эти пропуски и дополнительные черты какъ бы приурочивали «Повѣсть» къ мѣстной лѣтописи.

Рукопись Лаврентія списана «при Князѣ Великомъ Дмитріѣ,

Константиновичѣ (Суздальскомъ) и Епископѣ нашемъ Діонисіи Суздальскомъ и (Ниже) Новгородскомъ и Городьскомъ;» значить гдѣ ни будь на Сѣверо-Востокѣ, въ землѣ Суздальской. Ипатскій Сборникъ, хотя уцѣлѣвшій до нашего времени древнѣйшій списокъ его хранился на Сѣверѣ, въ Костромскомъ Ипатскомъ монастырѣ, тѣмъ не менѣе происхожденія Южно-Русскаго: самый подробный свѣдѣнія о дѣлахъ Кіевскихъ и Южно-Русскихъ съ 1111-го года и начиная съ 1201 о дѣлахъ земли Галицко-Волынской, къ которой перешло первенство въ Юго-Западной Руси, мы почерпаемъ изъ него. Такимъ образомъ оба древнѣйшихъ списка изъ числа дошедшихъ до нашего времени и заключающихъ въ себѣ начальную «Повѣсть»-служать какъ бы лѣтописными представителями двухъ отдѣловъ Русской Земли: Сѣверо-Восточной и Юго-Западной. Изъ нихъ Лаврентьевскій, начиная съ 1111-го года, относится къ Ипатскому изводу какъ сократитель (эпитоматоръ), въ особенности по Южнымъ дѣламъ, и только съ послѣдней четверти XII-го вѣка пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго источника для исторіи Русскаго Сѣверо-Востока. Обстоятельство это, наводитъ на мысль не древнѣе ли вообще Ипатскій или Южно-Русскій изводъ во всемъ его объемѣ, чѣмъ Лаврентьевскій изводъ или Суздальскій, подобно тому, какъ Южная Русь древнѣе Сѣверо-Восточной, и хотя бы не подлежало сомнѣнію, что сохранившіеся древнѣйшіе списки того и другого извода состоятъ другъ къ другу, по времени списанія, въ обратномъ отношеніи? Въ одной очень древней лѣтописи Новгородскаго извода мы встрѣчаемъ довольно вѣскія указанія то, что Ипатскій текстъ существовалъ не только задолго до Лаврентія, но, по меньшей мѣрѣ, въ первой половинѣ XII столѣтія, или еще раньше: указанія эти относятся къ тѣмъ частямъ сравнительныхъ изводовъ, что содержатъ въ себѣ повѣствованіе за время до 1110-го года.³ Принимая даже за вполне достоверное Лаврентьевское свидѣтельство о написаніи «Повѣсти» Игуменомъ Сильвестромъ въ 1116-мъ году, и за вполне доказанное то предположеніе, что Лаврентій списывалъ съ подлинной Сильвестровой рукописи, мы все таки, по тщательномъ сличеніи списковъ, должны будемъ и для Ипатскаго текста принять подобное же непосредственное отношеніе къ утраченному Сильвестру, отношеніе не только чуждое зависимости отъ Лаврентія, но и болѣе близкое къ подлиннику. Такъ у Лаврентія, подъ 6597 г. (1089), встрѣчаемъ мы ссылку на такое обстоятельство, о которомъ выше у него ничего не упомянуто; ту же самую ссылку читаемъ и въ

спискѣ Ипатскомъ, но въ немъ же помѣщенъ случай, на который лѣтописцемъ указывается. «Отсюда, да еще изъ пропуска Лаврентіемъ немногихъ мелкихъ извѣстій, которыя помѣщены въ Ипатскомъ спискѣ, нельзя, по видимому, не вывести того заключенія, что Лаврентій имѣлъ предъ собою одинъ и тотъ же, или сходный лѣтописный, матеріалъ съ тѣмъ, коимъ пользовался писецъ Ипатскаго списка, быть можетъ, даже сходный съ послѣднимъ списокъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», но отнесся къ своему подлиннику точно такъ, какъ онъ же отнесся къ Кіевской лѣтописи, составляющей продолженіе «Повѣсти», то есть, какъ сократитель. Пропуски Лаврентія въ «Повѣсти» не такъ значительны, какъ въ Кіевскомъ временникѣ, начиная съ 1111-го года, но все же они встрѣчаются и у него: опущены второстепенныя явленія Южно-Русской жизни (случай построения городовъ) и храмовъ, рожденія и смерти Князей и т. под.) явленій, которыя для Суздальскаго лѣтописца не представляли большой важности. Съ другой стороны добавленій, вставокъ противъ Ипатскаго текста мы въ Лаврентьевской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» не находимъ, и въ этомъ отношеніи она замѣтно разнится отъ «Повѣстей» позднѣйшихъ изводовъ, на прим., Софійскаго Временника. Но изъ обстоятельства этого нельзя еще сдѣлать вывода въ пользу первобытной древности Лаврентьевскаго текста: припомнимъ, что свои добавочныя статьи лѣтописцы почерпали изъ мѣстныхъ источниковъ, и что область, въ которой писалъ Лаврентій, была страна новая, страна безъ преданій.

Спѣшимъ оговориться. Мы отнюдь не намѣрены значеніе Ипатскаго временника поставить на мѣсто значенія Лаврентьевской лѣтописи. Мы хотимъ только сказать, что, при сравнительной молодости всѣхъ сохранившихся списковъ нашихъ лѣтописей, большая, или меньшая, древность того, или другого, сама по себѣ ничего не рѣшаетъ ни въ пользу, ни противъ достовѣрности помѣщенного въ спискѣ лѣтописнаго матеріала; не подлежитъ сомнѣнію, что сказанія, по чему либо не вошедшія въ составъ древнѣйшихъ рукописей, могли попасть, и дѣйствительно попадали, въ рукописи позднѣйшаго происхожденія. Въ новѣйшее время изслѣдователями было обращено вниманіе на составныя части лѣтописей; было замѣчено, что составители ихъ почерпали свои сказанія изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ. Существуетъ предположеніе, подкрѣпляемое нѣкоторыми указаніями самихъ лѣто-

писей, что при Княжескихъ дворахъ, а также при церквахъ и монастыряхъ, изстари велись погодныя записки,⁵ въ которыя вносились для памяти важнѣйшіе случаи изъ жизни Князей, происшествія воинскія, гражданскія и церковныя, рядомъ съ отмѣтками о небесныхъ явленіяхъ, моровыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и т. под. Эти записки (съ болѣе, или менѣе, правительственнымъ характеромъ) входили потомъ въ составъ лѣтописей вмѣстѣ съ другими подробнѣйшими повѣствованіями. Последнія заимствованы изъ записанныхъ современниками сказаній о наиболѣе выдающихся событіяхъ и лицахъ: сказанія эти включались въ лѣтопись либо цѣлкою и какъ бы въ сыромъ видѣ (на пр., въ начальной «Повѣсти» сказаніе объ убійствѣ Бориса и Глѣба, или рассказъ какого-то Василія объ ослѣпленіи Василька Ростиславича), либо въ поверхностной и до того неискусной переработкѣ, что сшивка съ текстомъ по мѣстамъ видна; такъ, на прим., въ описаніи по Ипатскому, списку походовъ Князя Изяслава Мстиславича есть одно мѣсто, изъ котораго слѣдуетъ заключить, что описаніе составлено современникомъ, и даже участникомъ, тѣхъ походовъ.⁶ Далѣе, матеріалами для упомянутыхъ повѣствованій служили еще: устные рассказы, записанные лѣтописцемъ со словъ очевидцевъ, на пр., старца Яна, Гюраты Роговича, Павла, Ладожскаго Посадника; также преданія изъ отдаленнаго прошлаго, какъ-то: о Рюрикѣ и его братьяхъ, о построеніи Кіева, о смерти Олега и т. под.; наконецъ свѣдѣнія, взятые изъ иностранныхъ, на пр., Греческихъ источниковъ. Иногда въ лѣтописяхъ помѣщались въ полномъ объемѣ цѣлые документы, на пр., договоры Князей съ Византіею. Такимъ образомъ преобладающій характеръ очень многихъ Русскихъ временниковъ компіляціонный. Эти памятники нашей старины не самостоятельныя сочиненія того, или другого, сочинителя. Историческая критика давно уже порѣшила и «съ онымъ великимъ Селиверстомъ Выдобужескимъ, не украшая пишущимъ», какъ величали виновника извѣстной намъ приписи Московскіе книжники XVI столѣтія, и съ «Несторомъ, святымъ лѣтописателемъ», творцомъ «священной книги народа», какъ выразилась еще не такъ давно редація Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Въ лицѣ главныхъ своихъ представителей въ новѣйшее время критика пришла къ тому выводу, что временники наши представляютъ собою какъ бы мозаику извѣстій и статей, набранныхъ изъ другихъ, болѣе древнихъ и большею частію не сохранившихся до нашего времени, матеріаловъ, и что матеріалы эти приведены

составителями лишь въ чисто внѣшнюю лѣтописную между собою связь. Въ слѣдствіе сего лѣтописи получаютъ значеніе историческихъ сборниковъ, и трудъ ихъ составителей можетъ быть до известной степени уподобленъ труду, который приняли на себя, по изданію древнихъ памятниковъ, наши Ученыя Общества, Академіи, Археографическія Коммисіи и тому подобныя учрежденія. Первообразомъ такихъ сборниковъ была, по всѣмъ вѣроятностямъ, Киевская «Повѣсть временныхъ лѣтъ», произведеніе XII вѣка, не сохранившаяся, однако же, въ спискахъ современныхъ ей первоначальному составленію, но вошедшая, какъ матеріалъ, въ составъ позднѣйшихъ сборниковъ XIV и XV вѣка. Не сохранились также и другія письмена, изъ коихъ разрослась наша лѣтопись. По этому ни большая, ни меньшая, древность сборника, ни даже большее, или меньшее, достоинство его, какъ компиляціи (ибо гдѣ же критеріи для оцѣнки?), не рѣшаютъ вопроса о достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій. При сравнительно позднемъ происхожденіи сохранившихся списковъ, при безыменности (анонимности) заключающихся въ нихъ сказаній, устраняющей возможность съ точностью опредѣлить взаимное отношеніе повѣствователя и повѣствуемаго, при отсутствіи почти безусловномъ другихъ источниковъ къ сличенію, такимъ критеріемъ для повѣрки лѣтописнаго разсказа остается въ сущности одна лишь внутренняя его достовѣрность.

Нельзя безусловно утверждать, чтобы подмѣченный изслѣдователями компиляціонный характеръ нашихъ лѣтописей клонился къ рѣшительному умаленію достоинства ихъ, какъ источниковъ исторіи. Скорѣе напротивъ. Если бы наши временники XIV, или XV, вѣка заключали въ себѣ не одни обрывки старыхъ сказаній и записокъ, а болѣе связный, прагматическій, разсказъ о дѣлахъ давно минувшихъ, въ родѣ повѣствованій какого ни будь Саксона Грамматика, или Кадлубка, то, соображаясь съ духомъ и понятіями поры о задачахъ книжнаго писанія, можно сказать навѣрное, что разсказъ этотъ точно также изобилуетъ бы баснями и вымыслами, какъ изобилуютъ ими помянутыя хроники, Датская, или Польская, и что выдудить изъ него историческое зерно было бы еще не въ примѣръ затруднительнѣе, чѣмъ изъ нашихъ скудныхъ, или безжизненныхъ, лѣтописныхъ отмѣтокъ и реляцій. Подобныя сказочныя повѣствованія стали появляться и у насъ, начиная съ XVI и XVII столѣтій, но значеніе ихъ для Русской исторіи равняется нулю. Благодаря лишь тому обстоятельству, что лѣтописи наши суть сборники, реперторіи письменности древнѣйшихъ вре-

ментъ, слѣды этого давняго прошлаго въ нихъ болѣе явственны, чѣмъ можно бѣ было ожидать отъ памятниковъ столь поздней поры. Благодаря имъ, свидѣтельства современниковъ (эти незамѣнимые источники историческаго вѣдѣнія, коими такъ богата Западная письменность), все таки донеслись до насъ и изъ Русскаго прошлаго, хотя и не въ томъ видѣ, какъ они были первоначально записаны, а какъ бы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Но, говоря о достовѣрности нашихъ лѣтописей, надлежитъ, въ большинствѣ случаевъ, разумѣть лишь достовѣрность дѣйствительную, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, достовѣрность голаго событія, которое можетъ быть извлечено изъ лѣтописнаго разсказа. Иное дѣло то, что мы назовемъ обрисовкою, окраскою и обстановкою событія. Сколько ни отступаетъ на задній планъ личность компилятора лѣтописца, онъ все таки сынъ своего вѣка: господствующія идеи поры, въ которую онъ жилъ, не остаются на него безъ вліянія; въ томъ же смыслѣ онъ произведеніе среды, въ которой вращается. Выше лѣтописные сборники наши по своему содержанію приравнены къ предпринятымъ въ новѣйшее время изданіямъ памятниковъ прошедшаго. Но кому не извѣстно, что далеко не всѣ такого рода изданія одинаковаго достоинства: инныя отчасти замѣняютъ собою подлинники, другія такъ неточны, что съ ними утрата матеріаловъ, коими они пользовались, была бы тѣмъ не менѣе чувствительною для историка потерею; вкладъ въ науку нашихъ сводчиковъ и компиляторовъ прошедшаго столѣтія, Татищева и Львова, весьма незначителенъ, хотя они несомнѣнно располагали источниками, для насъ недоступными. Во сколько же разъ болѣе съ этой точки зрѣнія должна быть признана невозградимою потеря древнихъ матеріаловъ, скомпилированныхъ какимъ ни будь Лаврентіемъ въ XIV вѣкѣ, или писцомъ Ипатскаго Епископа въ началѣ XV? Критика въ то время не существовала не только какъ пріемъ или методъ, котораго, при воспроизведеніи свидѣтельствъ прошлаго, слѣдуетъ держаться, но даже какъ задача, или цѣль, къ которой должно стремиться. Пропуски, вставки и всякаго рода искаженія древнѣйшихъ текстовъ, считались не только дозволенными, но даже признаками книжности лѣтописца, и во всякомъ случаѣ неотъемлемою принадлежностію лѣтописнаго дѣла. Такого рода отмѣны съ особенною выпуклостію обозначаются въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣтописецъ какъ бы говоритъ отъ своего имени, изъ простаго записывателя становится судьей явленій; ибо, рядомъ съ повѣствованіями, въ лѣтописяхъ

встрѣчаются иногда и подобныя сужденія о дѣятеляхъ и ихъ дѣлахъ, высказывается сочувствіе, или неодобреніе, извѣстному событію, или лицу. Характеристики эти, въ большей части случаевъ, мертвенны и стереотипны; при томъ же онѣ нерѣдко повторяются въ спискахъ даже различнаго состава. Однако жъ случается, что въ отзывахъ лѣтописцевъ объ одномъ и томъ же лицѣ звучитъ не одна и та же нота. Не то, чтобы того, или другого, Князя, обыкновенно восхваляемаго, иной лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ, изъ Южно-Русскихъ, или Суздальскихъ, вздумалъ безъ обиняковъ хулить; не то, чтобы иное дѣяніе, Кіевскою (къ примѣру) хроникой оправдываемое и даже прославляемое, рѣшительно порицалось хроникой Русскаго Сѣверо-Востока: до подобной независимости сужденій, которую можно было бы признать за немаловажное достоинство и заслугу, изрѣдка возвышается развѣ только лѣтопись вольнаго Новгорода (о ней же рѣчь еще впереди, хотя мы уже и здѣсь, ради полноты обзора, принуждены коснуться нѣкоторыхъ изъ ея приговоровъ); что же касается до остальныхъ нашихъ современниковъ, то свойство это—отрѣшенность отъ развѣ сложившихся взглядовъ—положительно чуждо имъ. Но прослѣдивши по лѣтописямъ нѣкоторыя изъ такихъ характеристикъ, не трудно замѣтить, какъ типъ инаго дѣятеля постепенно дополняется новыми чертами, растетъ, возвеличивается, типъ же другого умалется и словно тускнѣетъ. Такъ, на пр., Владимира Мономаха добрымъ словомъ помянули всѣ безъ изыятія Русскіе лѣтописцы; даже краткій Новгородскій почтилъ его прозвищемъ великаго, почти непосредственно въ слѣдъ за переданнымъ случаемъ немилостиваго Мономахова поступка съ его же братьею, Новгородцами. Мономахъ сослужилъ добрую службу Русской землѣ своими побѣдами надъ дикими Половцами; за то и полюбили его Русскіе люди, не смотря даже на тѣневныя стороны его характера и дѣяній, за то хвалили его и величали: отголосокъ народнаго расположенія къ Владимиру сказанъ и въ лѣтописяхъ. При этомъ достойно замѣчанія, что лѣтописная похвала идетъ всегда въ гору, crescendo, чѣмъ больше удаляется отъ своего героя во времени и въ пространствѣ: но на сколько она растетъ, на столько же становится мертвеннѣе, ходульнѣе, пустѣе. Въ похвалѣ Ипатскаго текста явственно слышится голосъ современника и земляка почившему дѣятелю, человека близко стоявшаго къ впечатлѣніямъ мгновенія; рѣчь его безыскусственна, проста, въ заключительныхъ строкахъ, посвященныхъ народному плачу по любимомъ Князѣ, даже

глубоко прочувствована, живыя и симпатичныя черты братолюбца и нищелюбца, и характерный эпитетъ добраго страдальца за Русскую землю, неразлучный для насъ съ памятью о Владимирѣ Всеволодовичѣ, приурочены къ его имени Южнымъ лѣтописцемъ. Сходныя побужденія похвалы слышны и у Лаврентія, но Суздальскій сократитель Кіевской лѣтописи отнесся на сей разъ къ своему подлиннику съ большею самостоятельностью, если только можно признать за самостоятельность риторическое многословіе и вычурное витійство. «Добрый страдалецъ» превратился у него въ чуднаго Князя Владимира, «прослуваго въ побѣдахъ, его же имени трепетаху вся страны», въ идеальный типъ Князя благочестиваго и благовѣрнаго, усерднаго къ Церкви и «всею душею возлюбившаго Бога.» Въ соотвѣтствіе съ этимъ типомъ приведены и искажены Лаврентіемъ остальные черты Ипатскаго Мономаха, «нищелюбецъ» сдѣлался наипаче «милостивымъ къ чернечскому чину и поповскому, подавая имъ еже на потребу и пріимая отъ нихъ молитвы,» а любезный народу (такъ много пострадавшему отъ Княжескихъ усобицъ) «братолюбецъ» весь ушелъ въ стяжавшаго «великую вѣру къ сродникамъ своимъ, святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, имъ же и церковь прекрасную созда... пощаніемъ многихъ.» Послѣдній переходъ въ особенности любопытенъ и наиболѣе характеристиченъ для суровой, аскетической, преданной дѣламъ наружнаго благочестія, Сѣверо-Восточной Руси, въ которой выработался этотъ Лаврентіевскій типъ Мономаха, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь отличный отъ Ипатскаго: историческая заслуга Владимира предъ своимъ родомъ-племенемъ и предъ всею землей, его живая любовь къ живымъ братьямъ, оставлена въ тѣни, а на пьедесталъ возведенъ создатель храма во славу братьевъ усопшихъ. Совсѣмъ иная доля въ лѣтописной молвѣ досталась одному изъ многочисленныхъ потомковъ Мономаха, его внуку, Ростиславу Мстиславичу. Этого Князя (Смоленскаго и въ послѣдствіи Кіевскаго) Южный лѣтописецъ величаетъ «благовѣрнымъ» и восклицаетъ не безъ восторженности по поводу вступленія его на Кіевскій столъ (что случилось о Пасхѣ): «и бысть людемъ двоя радость, и воскресеніе Господне и Княже сѣдѣніе;» наконецъ, съ ливнымъ сочувствіемъ и похвалою, упоминаетъ и о его благочестивой кончинѣ. Изъ всѣхъ этихъ панегириковъ и диэпирамбовъ въ Суздальской лѣтописи уцѣлѣлъ одинъ только незначашій эпитетъ: «благовѣрный» предъ именемъ Ростислава, а въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ изводовъ (на пр., въ Софійской) исчезъ

даже и этотъ эпитетъ. Такимъ образомъ встрѣчающіеся по разнымъ временникамъ отзывы о томъ, или другомъ, Князѣ представляютъ нерѣдко то возвышающуюся, то понижающуюся, гамму. Менѣе замѣтенъ, но тѣмъ своеобразнѣе, приемъ, къ которому прибѣгаетъ иногда лѣтописецъ для того, чтобы, списывая извѣстіе съ древнѣйшаго текста, выгородить свое личное отношеніе къ повѣствуемому событію. Любезный сердцу Кіевскаго лѣтописца Ростиславъ часто ссорился съ Новгородцами, и Новгородская лѣтопись, болѣе прямая и свободная въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ Кіевская, или Суздальская, отнеслась къ дѣятельности этого Князя также сурово и строго, какъ сурово и строго поступили сами Новгородцы съ его сыномъ и дружиною, представителями власти его въ Новгородѣ. Въ Ипатскомъ временникѣ, по поводу одного изъ подобныхъ замѣшательствъ, передается съ начала разсказъ о Новгородской «встаніи» противъ Ростиславича (Святослава) о томъ, какъ граждане «Князя запроша въ истопкѣ,» а Княгиню сослали въ монастырь: «встань» представлена въ видѣ дерзкаго, ни чѣмъ не подтвержденнаго, покушенія, такъ какъ Святославъ, не задолго предъ тѣмъ, исполняя желаніе самихъ Новгородцевъ, вывелъ съ Новаго Торгу брата своего, Давыда; далѣе говорится, что Ростиславъ, узнавъ въ Кіевѣ объ участи сына, повелѣлъ гостей и купцовъ Новгородскихъ «уметати въ Пересѣченскіи погребъ,» при чемъ добавлено, что Князь, когда до свѣдѣнія его дошло о смерти нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ, приказалъ остальныхъ выпустить изъ погреба. Какъ же отнестся къ этому извѣстію Суздальскій лѣтописецъ? Последней черты, приводимой Кіевскимъ въ похвалу человѣчности Ростислава, а также разсказа о Новгородской «встаніи,» у него недостаетъ. Лаврентій начинаетъ свое повѣствованіе объ этихъ событіяхъ прямо съ послѣдующихъ словъ Ипатской редакціи: «прислаша Новгородьци къ Андрееви къ Гюргевичю (Суздальскому), просяще у него сына княжити Новугороду,» и отъ себя прибавляетъ, что Святослава Ростиславича Новгородцы выгнали, «зане отецъ его изморилъ братью ихъ въ погребѣ,» т. е., оправдываетъ Новгородцевъ, а у поступка Кіевскаго Князя отнимаетъ тотъ характеръ возмездія, который тщится придать ему Южный лѣтописецъ. Такое отношеніе къ Новгороду и къ Новгородскимъ порядкамъ не совсѣмъ обычно въ Суздальцѣ и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ соображеніемъ, что выборъ Новгородцевъ, по изгнаніи Ростиславича, палъ на Суздальскаго Князя. Приводимыя у Лаврентія причины